

А.Н. ИВАШКИНА
(г. Челябинск, Россия)

УДК 821.161.1.1 (Акульшин Р.М.)
ББК Ш33(2Рос=Рус)-8,44

СПОСОБ КОНСТРУИРОВАНИЯ ДЕЙТЕВТЕЛЬНОСТИ В ЦИКЛЕ Р.М. АКУЛЬШИНА «О ЧЕМ ШЕПЧЕТ ДЕРЕВНЯ»

Аннотация. В статье впервые исследуется художественный мир раннего цикла Р. М. Акульшина «О чем шепчет деревня». Выявляются факторы циклизации отдельных очерков, записок, рассказов (заголовочно-финальный комплекс, деление на подциклы, способы проявления авторского начала и т.д.).

Ключевые слова: цикл, циклизация, малая проза XX века, Р.М. Акульшин.

В 20-х годах XX века возрождается интерес к историко-культурным традициям русского народа, к теме преемственности поколений. Р.М. Акульшин был широко известен в России в 20–30-е годы как крестьянский писатель, создавший ряд произведений, изображающих жизнь и быт предреволюционной и новой русской деревни «О чем шепчет деревня» (1925), «Частушки» (1926) «Рязанские снопы» (1927); пьесы «Четверговая зола» (1927). Первый сборник рассказов Р.М. Акульшина «О чем шепчет деревня» состоит из очерков, объединенных общностью темы, постановкой нравственно-философских и социальных проблем, в которых стремится к глубокому психологизму в изображении характеров, достоверному воссозданию образа русской деревни 1920-х гг. Цикл имеет многоступенчатую композицию: он состоит из 8 подциклов, каждый из которых раскрывает определенную тему, вбирает в себя круг проблем, ключевых эпизодов из жизни сельских жителей. Мир деревни предстает перед читателями с разных сторон, воссоздается многоликая современность, центром которой является изображение человека из народа, его философии, духовного мира. Важной стилевой приметой, являющейся одной из стилевых скреп произведения, является ориентация на народное слово.

Жанровая унификация произведений, входящих в художественное единство, является одним из циклообразующих факторов: автор определяет жанр компонентов цикла как статьи, заметки, записки, очерки. Все это жанры, претендующие на достоверность в изображении событий. Произведения имеют маркеры как очерка, так и рассказа. Понимая рассказ и очерк как жанры малой прозы, учитывая в контексте цикла Р. Акульшина отсутствие принципиальной разницы

между этими понятиями, мы будем считать цикл моножанровым объединением.

Произведение открывается авторским предисловием, в котором дается установка на достоверность происходящего, сообщается, определяется коммуникативная установка книги, ее задачи и адресат: «<...> очерки эти, подслушанные в деревне, будут интересны каждому работнику, так или иначе связанному с крестьянством» [Акульшин 1925: 4]. В предисловии также объясняются принципы издания, критерии отбора материала, приводятся сведения из истории создания книги. Автор настаивает о том, что книга «<...> отнюдь не является последовательно изложенной, законченной работой» [Акульшин 1925: 4]. Предисловие создает раму цикла: собирает составляющие в художественное целое, определяя диапазон тем и идей, содержит авторскую оценку, задающую читателям модус интерпретации произведения.

Заголовочно-финальный комплекс намечает главные темы очерков. Заголовки делятся тематически, в подцикле «О чем шепчет деревня» раскрываются наиболее общие проблемы деревни: религия («Обновление икон», «Безбожники», «Запарился»), противостояние деревни и города, социальные проблемы («О волках, керосине и об едином налоге», «Арсенька и Кузьма Анисимыч», «Крестьянская молодежь», «О кресте. Попе и об освященной корове», «Октябрины»). В подциклах изображаются более частные проблемы, существующие в каком-то отдельном локусе. Расположение подциклов в цикле таково, что изобразительный план постепенно «сужается», фокусируя читательское внимание на судьбах отдельных людей («Деревенские женщины»).

«Былое и думы» освещает лирические размышления рассказчика о современности. «Когда я врываюсь в нагроможденный хаос московских площадей и улиц, – поверх звякающих трамваев, поверх вывесок и крикливых плакатов, я вижу теплую синеву, знакомые избы, вижу кудрявый выгон, млеющий под солнцем, все родное село мое, ибо глубоки деревенские корни, и знаю – я гость в Москве, знаю – сердце мое навсегда привязано к зелени волжских полей» [Акульшин 1925: 29]. Этот заголовок рождает ассоциации с книгой Герцена, написанной в жанре воспоминаний. Повествователь обращается к прошлому, к воспоминаниям («Из прошлого», «Праздник», «Рубка леса и от чего умер отец», «Волк»). Во всех очерках подчеркивается то, что все события были в прошлом. «Текут пьяные слёзы по лицу, а мне сквозь пьяную боль эту видно мучительное желание сохранить какое-нибудь мужицкое, хребтовое, свое, – корнями ушедшее в землю» [Акульшин 1925: 45]. Подцикл, отражающий идею важности и в то же время

несовершенства прошлого, вводится автором для того чтобы «<...> подчеркнуть жирным шрифтом, чтобы напомнить, заставить кой-кого задуматься, пожалеть и, может быть, исправить» [Акульшин 1925: 41]. В подцикле «Подмосковье» топос сужается до изображения локального места.

Очерки подцикла «Из записной книжки» имеют документальную основу: они являются своеобразным «хозяйственным анализом», в котором подводятся различные подсчеты, дается важная для авторской оценки действительности, статистика: «До войны 14-го года в нашем селе Виловатове было две тысячи лошадей. Когда голодало Поволжье, осталось восемьдесят, – теперь цифра возросла до 200. По сравнению с голодом мы окрепли, но по сравнению с довоенным временем мы сделались беднее в десять раз, – и всё-таки, несмотря на бедность нашу, в этом году засеяна вся площадь» [Акульшин 1925: 70].

Очерки подцикла «Деревенский театр» изображают проблемы культурного характера. Комические ситуации, когда вместо классической пьесы «Маскарад» М. Лермонтова ставят Сиволапинскую комедию, или когда зрители засыпают во время драмы, заставляют читателя одновременно смеяться и плакать. Налицо необразованность и недалекость крестьян, при этом рассказчиком подчеркивается любознательность сельских жителей, готовых заполучить билеты на спектакль любой ценой: «Нет денег – тащите за билет яйца, поживей только. А то всю ночь проканителитесь» [Акульшин 1925: 79].

Подцикл «Деревенские женщины» рассказывает о судьбах, о «крестьянской бабьей жизни», авторский идеал при этом не связан с поисками «нового женского образа», а, скорее, обращен в прошлое: автор выводит на сцену образ настоящей русской женщины с её тяжелой женской долей, огромной внутренней силой и красотой.

Микроцикл «Заключенье Лениным и Троцким» повествует о деревенских заговорах – явлении весьма характерном для данного исторического периода: «Перестали заговоры действовать – то ли потому, что Иисус да Богородица силы лишились, то ли власть другая» [Акульшин 1925: 99]. При этом отчетливо прослеживается политизированность авторской концепции: новые «святые» – люди из власти (Ленин, Троцкий) предстают в образах волшебных помощников, которые обладают целительной силой наравне со святыми Николаем.

В восьмом подцикле «Новые сказки» автором изображается мифотворчество сельчан, создающееся вокруг событий и значимых фигур времени. Сказка как жанр устного народного творчества наиболее популярна среди деревенских жителей, она «складывается народом крепко, художественно-формальный канон её нерушимый проходит

через века» [Акульшин 1925: 4]. Жанр сказки в послереволюционное время наполняется новым содержанием: формальные особенности остаются прежними, но в повествование включаются новые герои, обновляется и хронотоп. Послереволюционные сказки касаются нового советского быта, в иносказательной форме вскрывают психологию крестьянина, показывают нравственные идеалы деревенских жителей.

Рассказчик помогает читателям разобраться в иносказательном содержании сказок. К основному тексту приложен авторский комментарий, который дает подробное объяснение всем событиям. *«Сказка по идее, по теме, по рисунку героев не новая, – но, очевидно, чувствовал автор невозможность полной разобщенности сказки с нашим сегодня. Куски нашего революционного быта он попытался вклеить в старинную художественную оправу. Надо признаться, что местами вклеены они механически»* [Акульшин 1925: 111]. Этот прием ориентирован на нового массового читателя, который только начинает познавать художественные произведения. Автору важно объяснить и дать оценку всему, что он пишет, это важно для быстрого понимания текста неискушенными читателями, к которым в полной мере относятся жители деревни, подростковая аудитория, на которую в первую очередь рассчитана книга.

Эпиграф соединяет все подциклы в одно художественное единство концентрируя авторскую оценку, позволяя выявить авторскую позицию. Он очень важен, так как в нем содержится ключ к восприятию всего цикла: *«К народному шепоту внимательно прислушивайтесь... Мы должны знать, что думает старуха-деревня, когда ей часто, по весьма осязательным причинам не спится, о чем она шепчет. Это первостепенной важности вопрос»* [Акульшин 1925: 7]. Уже в эпиграфе, напрямую соотносимом с заглавием цикла, создаётся своеобразный художественный мир, который задает тон всему повествованию. Деревня в авторской интерпретации предстает одушевлённым существом, наделенным душой и мыслями.

Единство времени, являясь одновременно и смысловой, и формальной скрепой, объединяет очерки в одно целое. Исходя из жанровой поэтики и авторского целеполагания, ориентации на реалистические принципы изображения, время можно определить как историческое: мы видим реальные даты и названия мест. Не раз упоминается родное село рассказчика Виловатое, Подмосковье, Москва, Ташкент. В цикле «О чём шепчет деревня» отчетливо прослеживаются знаки времени, в которое создавались эти произведения. Способом «овнешнения» действительности становится использование деталей: так, после 1917 года в моду вошли необычные для деревенских людей имена,

порождённые революцией: «И что за имена пошли: Оренбурги, Ненилы, Вилы... Скоро будут Ташкенты, Лопаты, Грабли» [Акульшин 1925: 22].

Художественный мир деревни достоверно изображается посредством включения в прозаические текст стихотворных и метрически организованных вставок, представляющих собой (стихотворения, заговоры). Это придает самобытность и оригинальность повествованию, а также позволяет читателю увидеть деревенский мир объемно, в мельчайших подробностях и интонациях. Монтажная композиция позволяет изображать разные локусы: от Подмосковья до Самарской губернии. Такой широкий охват пространства позволяет читателям взглянуть на типичные проблемы деревенской жизни, не упустить деталей и в то же время создать мозаичное, но целостное полотно деревенской России в сложном процессе ее становления в постреволюционную эпоху.

Важной скрепой цикла «О чем шепчет деревня», придающей ему характер монолита, является единый образ рассказчика, который дает комментарии событиям, выполняет роль «проводника», погружающего читателя в мир деревенских обычаев и обрядов, объясняющего жизненный уклад.

Анализ циклического единства с позиций концептуального и формального единства, на основе которого конструируется художественная модель, позволяет проследить, как из изображения отдельных частей складывается мозаика, позволяющая многомерно, подробно и узнаваемо изобразить реальную действительность. Очерки Р.М. Акульшина выступают как целостная система, объединённая общей идеей, темой, проблемой, временем создания, персонажами, авторской позицией, сходным построением произведений. Цикл Р.М. Акульшина «О чем шепчет деревня» представляет собой художественное единство, органично соотносящееся с культурно-исторической эпохой 20-х годов XX века.

ЛИТЕРАТУРА

Акульшин Р.М. О чем шепчет деревня. – М.: Московский рабочий, 1925. – 127 с.

© Ивашкина А.Н., 2013